

Ошорова Светлана Алексеевна

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРИРОДА БУРЯТСКОГО ЭПОСА "ГЭСЭР"

В данной статье раскрываются художественные черты и иносказательная природа бурятского эпоса "Гэсэр". Автор утверждает, что загадочность повествования и прием иносказания являются основной художественной чертой эпоса. Также автор исследует происхождение некоторых однокоренных слов и выражений, бытующих в эпосе "Гэсэр". В статье делается вывод о том, что сказители всегда выступали за мирное сосуществование всех народов на Земле.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 57-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Гэсэр Богдо**. Произведения народной словесности бурят / собрал Ц. Ж. Жамцарано. Л., 1930. Вып. 1. 229 с.
2. **Неклюдов С. Ю.** О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 221-229.
3. **Ошор Богдо и Хүрин Алтай.** Улан-Удэ, 1964. На бур. и рус. яз. / запись Ц. Ж. Жамцарано от сказителя М. Эмегеева; пер. М. П. Хомонова. 224 с.
4. **Чагдуров С. Ш.** Поэтика Гэсэриады. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1992. 368 с.

THE ROLE OF DETAILED DESCRIPTIONS IN ALLEGORICAL NATURE OF THE EPIC “GESAR”

Oshorova Svetlana Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Buryat State University, Ulan-Ude
oshorsvet@mail.ru

The article deals with the role of details in the allegorical nature of the epic “Gesar”. The author emphasizes the remarkable skill of storytellers to influence listeners by their performance of the uligers, and their ability to notice something that is imperceptible to many people. By the examples from the studied source, the author ascertains that the detailed descriptions help to understand the nature of allegory in the epic.

Key words and phrases: skill of uligershins (folk-tale narrators); epic details; allegory; detailed description; psychological parallelism; verbal connections-associations; poetic structure of epic.

УДК 398(=512.31)

В данной статье раскрываются художественные черты и иносказательная природа бурятского эпоса «Гэсэр». Автор утверждает, что загадочность повествования и прием иносказания являются основной художественной чертой эпоса. Также автор исследует происхождение некоторых однокоренных слов и выражений, бытующих в эпосе «Гэсэр». В статье делается вывод о том, что сказители всегда выступали за мирное сосуществование всех народов на Земле.

Ключевые слова и фразы: антипод; небожители; созидательная сила; образ Гэсэра; природа эпоса «Гэсэр»; победа; мирный труд; основная черта бурятского эпоса; эпическое иносказание.

Ошорова Светлана Алексеевна, к. филол. н., доцент
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
oshorsvet@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРИРОДА БУРЯТСКОГО ЭПОСА «ГЭСЭР»

Образ Гэсэра воплощает в себе традиционные черты героев бурятских эпических сказаний. В нем отражается народный идеал героя, борца за счастье людей, поэтому он является одним из самых любимых героев бурятского эпоса.

Читая улигер о Гэсэре [1], невольно убеждаешься в том, что текст какой-то святой, таинственный. И потому почти недоступный. Невозможно сразу объяснить, как эта таинственность проявляется. Уловить ее нелегко. Но чем дальше, тем больше думаешь: как проникнуть в глубинное нутро улигерных строк, в суть отношений улигершинов к жизни наших предков, которую они подавали в образно-мифической форме. Ведь, в самом деле, трудно уловить: положительное или отрицательное отношение улигершинов к тому, о чем они поют. Какой-то их собственной оценки описываемых ими событий нет. Эпос в этом смысле (в смысле авторства), видимо, безлик. Безликость, или отсутствие авторской оценки описываемых событий, является характерной чертой улигера.

За этим трудным вопросом встают другие. Они-то и заставляют попытаться поставить и решить важные задачи статьи: понять художественную природу эпоса «Гэсэр», определить, в чем суть её образной, улигерно-сказочной фактуры. Природа эпоса «Гэсэр» заключена не в его прямом, как сегодня принято говорить, разговорно-бытовом стилистическом ключе, а в каком-то особо приподнятом, улигерно-возвышенном, иносказательном уровне. Ведь улигер – это нечто высокое, образцовое, поучительное, смысл которого скрывается в глубине, а может быть, даже не высказан словами. Например, в «Гэсэре» каждая глава рисует битву, сражение героя с другим персонажем – его соперником, противником, антиподом, но суть силы Гэсэра вовсе не в его воинской доблести, не в реалиях его оружия. Оно, как правило, не действует: ломается, тупится, не дает нужного эффекта. Результата Гэсэр достигает не пикой, не саблей, не мечом, а шерстобитной палочкой (набаа) [2, с. 227]. Иначе говоря, Гэсэр побеждает своего противника только этой палочкой. Это объясняется следующим образом: во многих случаях в эпосе «Гэсэр» одерживает верх не то, что разрушает, не оружие во всех его видах, которое само по себе является олицетворением насилия, зла, а добро, созидательная сила, потому что с помощью шерстобитной палочки буряты *изготавливали* кошму, которой покрывались крыша и стены юрты. Иначе говоря, в Гэсэриаде победа достигается не силой воинского оружия, а реалиями мирного труда.

Другой пример. В эпосе «Гэсэр» воюют между собой в основном божества, тэнгрии, которые живут на Небе. А люди, живущие на Земле, занимаются охотой, добыванием пищи, хозяйственными заботами, строят дома, дворцы, празднуют свадьбы, состязаются в скачках, в богатырской борьбе, в стрельбе из лука. Если люди и воюют, то только вынужденно: они защищаются от тех, кто уже начал войну. Войну в эпосе затевают или провоцируют соперники Гэсэра – чудовища мангадхай. Кто такие мангадхай, можно узнать из трудов профессора С. Ш. Чагдурова [1, с. 49], который объясняет их как демонические существа, несущие людям зло.

По-бурятски олень называется *сагаа//согоо*. По мнению С. Ш. Чагдурова, это далеко не случайное отзвуки смысловых связей однокоренных слов. Видимо, все это ассоциируется сегодня со скотоводством, с мужским Западом, с отцовским правом, с Небом-Отцом. Во-первых, монголоязычные народы переняли скотоводство от племен индоевропейского круга, что доказано как иранистами, так и тюркологами. Во-вторых, в словах с корнем *мар//бар//бур//* есть много общего. По мнению С. Ш. Чагдурова [5], однокоренными можно считать древнеиндийское *Варуна* – бог Западной половины неба, что значит «запад, западная сторона», бурятское *баруун*, что значит «запад», а также *морин* «конь», *мураа* «крупный и рослый (о быке)», тюркское *марал* «олень-самец», баран «самец (овцы)», бурятское *бар* «барс, тигр (самец)», *буура* «верблюд-самец» [4, с. 43] и др. Можно добавить: *Морго хор* «Большой медведь-самец», *бургал тунк* «медведь-одиночка, шатун», *бурхи* «тарбаган-самец», *урхэн* «олень, сохатый», *урхэр качуг* «вол»; ср. также: *хура* «те-терев-самец»; *Хурмушта* «отец-Небо»; «небожитель», *хурайха* зап. «муж», *хуряаха* бох. «муж сестры, тетки», *хуряахан* булагат. «муж, супруг» [3, с. 49] и т.п.

А сорок четыре черных небожителя (буряты их называют *зүүн 44 хара тэнгэришүүл*) в эпосе и в шаманских призываниях всегда воспринимались как злые божества. В том, что они вошли в мифы Восточной Сибири, отразились древние связи и контакты монголоязычных племен с *дунху*, *сяньби*, а также с тунгусо-маньчжурами. Причем это ассоциируется сегодня с древней охотой, с женским Востоком, с материнским правом, с богиней Матерью-Землей. Об этом свидетельствуют однокоренные слова: бурятское *зүүн* «восток», суффикс «жан», «жэн» в словах *Баргажан*, *гунжан*, *дунжэн*, индоевропейское *жэн* «жена», «женщина», тюркское *кун* «одна из жён», бурятское *зүүн* «кобылица», *хонин* «овца», *үнеэн* (из *һүнеэн*) «корова» и другие.

В эпосе «Гэсэр» Запад определялся как добрый, а Восток – как злой. Дело не только в «преимуществах» отцовского права в период военной демократии.

Ведь этическое кредо бурят и их предков, по эпосу, было предельно простым, исключительно мудрым и дальновидным: богиня Мать-Земля как хозяйка, да еще гостеприимная, принимая высокого бога (Неба-Отца), считала важным и целесообразным адресовать Ему все добро и достоинство, в том числе и свое, тогда как все зло и коварство, в том числе и Его, предусмотрительно оставляла себе.

Ведь на добро и зло практически способны были все. Но добро все же лучше замечать и подчеркивать у гостя или друга (соседа, близкого и дальнего), а зло лучше не замечать у него, в крайнем случае, если оно так уж выпирает, то приписывать не ему, а себе. Скорее всего – в расчете на то, что гость в таком случае неизбежно ответит тем же.

Отсюда возникло неписаное правило: добро – пусть у друга, соседа, а зло пусть остается у хозяина, хозяйки. Недаром у бурят вплоть до недавнего времени соблюдался обычай: во время угощения на праздниках лучшие куски доставались сначала гостям, потом хозяину или старшим, потом – детям, а себе – в последнюю очередь. Причем, как бы предотвращая эгоистические наклонности у детей, в первую очередь угощались не свои дети, а их сверстники из других соседних семей.

При этом хозяйка явно рассчитывала на то, что те когда-нибудь поступят так же бескорыстно. В случаях отсутствия уверенности положение хозяйки не позволяло все равно поступать иначе. Такой обычай обязательно соблюдался раньше, соблюдается и теперь в праздники Белого месяца (Сагаалган). И это могло быть воспринято, истолковано как что-то вполне обоснованное, *оправданное* правилами гостеприимства.

Нередко эпическое иносказание заключается в рамки закона контраста. Так, например, герой и его окружение (богатыри, дружинники, воины, их доспехи, оружие, кони и т.д.) выглядят в общем-то менее внушительно, чем его антипод со всем окружением. Так, у Гэсэра – 33 богатыря, три сотни дружинников и три тысячи воинов, а у его соперника и антипода Гал Дулмэ хана их количество непременно в два раза больше. Сила двух рук Гэсэра равна силе четырех *Насаранги тэнгриев* (могучих 13 восточных небожителей), сила его груди (торса) – сила четырех чудищ Арханов, заглывающих солнце и луну, сила двух ног – сила четырех владык морей Лосото. Количество его перерождений (обликов) – семьдесят три. А вот у Гал Дулмэ хана опять-таки этих сил в два раза больше. И количество перерождений (обликов) – двести, т.е. в три раза больше:

*Количество обликов
(перерождений)
У Гал Дулмэ хана –
Двести обликов было
Сила двух его рук была
Равна (равноценна) силе
Восьми Насаранги тэнгриев,
Сила его груди (торса)
Равна (равноценна) была
Силе восьми Арханов.
Шестьдесят шесть богатырей
у него было,*

*Шестьсот дружинников у него
было,
Шесть тысяч воинов у него
было
(строки 7434-7448) [6, с. 118].*

Старший сын Хан Хурмусты тэнгрия называется просто: *Ууган хубуун*, средний – *тээли хубуун*, младший – *бага хубуун*, тогда как сыновья его соперника Атай Улаан тэнгрия: старший – *ууган ехэ хубуун*, средний – *дунда гагар хубуун*, младший – *бага гагар хубуун* [4, с. 51]. Первые никак не характеризуются, тогда как вторые – характеризуются пышно: великими непобедимыми богатырями (ээмтэ юумэдэ булигдахабой, эрхэйтэ юумэдэ дарагдахабой). Ср. характеристику коней из стана Гэсэра из стана его соперников (глава «Праздник небожителей» из варианта Альфора Васильева):

*Тут скачкам пора наступила.
Наездники быстро сомкнули
Ряды у обоих шатров.
У правого замер шатра
Хан Бургэд тэнгрий
(Небесный покровитель Гэсэра)
Привел за собой в поводу
Аргамака – коня вороного.
Атай Улаан тэнгрий
(Его всеильный соперник)
Стал рядом, ужимистый, гордый,
Готовый во всеми сразиться,
За повод держа быстроногого
Прославленного аргамака,
Способного сто перевалов
Скакать без единой заминки
[Там же, с. 37].*

В бурятской Гэсэриаде, во всех ее зхирит-булагатских и унгинских устных вариантах, у всех сказителей ведется борьба между лагерем 55 западных добрых небожителей и лагерем 44 восточных злых небожителей, которая завершается победой добрых и поражением злых. Старейшина западного лагеря божеств Хан Хурмушта тэнгрий отсекает по частям тело старейшины восточного лагеря Атай Улаан тэнгрия, сбрасывает эти части с Неба вниз, в Подземный мир, в страну Хонин-хото («по ту сторону смерти», т.е. в преисподнюю, в ад) [Там же, с. 52], а сами эти разрубленные части тела Атай Улаан тэнгрия в аду оживают, превратившись в мангадхаев. Оттуда они попадают на Землю. И на Земле от них, от их присутствия начинается мор: травы засыхают на корню, реки мелеют с истоков, люди и живые существа заглатываются страшными чудищами-мангадхаями.

Таким образом, в эпосе «Гэсэр» изображается борьба между Небом, Верхним миром и Подземным миром, с одной стороны, и Землей, Средним миром – с другой. Иносказательно выходит, что эта борьба между добром и злом, между человеком и божеством, превратившимся в демона, поразительно похожа на борьбу белых и чёрных шаманов, которые у бурят всегда враждовали между собой, противопоставляя себя друг другу. Такая борьба, вообще говоря, характерна только для бурятских вариантов «Гэсэра». Ее нет в других (монгольских и тибетских) вариантах.

И, наконец, необходимо отметить еще одну особенность бурятских улигеров о Гэсэре. Небожители (тэнгрии) воюют сначала между собой в Верхнем мире. Только они, а не люди на Земле, ратуют за войну и насилие, потом они воюют в Нижнем и Среднем мирах. Земные же герои (Гэсэр и его окружение) борются совсем за другое – за мир и покой на земле, – поскольку очищают Землю от злых сил, от *несчастий*, от страшных напастей, мора, недугов, болезней и т.п. Отсюда вытекает основной вывод о том, что художественная, поэтическая природа бурятского эпоса заключается в борьбе улигершинов против насилия и войн, за спокойную жизнь на Земле, за сосуществование разных взглядов на жизнь, за терпеливое отношение людей друг к другу.

И все это подается через прием иносказания. Под образами небожителей сказители имели в виду власть имущих, которые борются между собой за территориальные владения, накопление огромного состояния, положение в обществе. Образом Гэсэра и его окружения показан простой народ, который мирно трудится на земле. Мастерство сказителей в использовании таких поэтических средств языка как аллегория, гиперболы, олицетворение, сравнение – и есть иносказательная черта эпоса, которая придает ему высокую художественность, поэтичность.

Список источников

1. **Абай Гэсэр Богдо хаан:** бурятский героический эпос / сост. текста С. П. Балдаев; текст подгот., вступ. ст.: М. И. Тулохонов, Д. Д. Гомбоин; науч. ред. А. И. Уланов. Улан-Удэ, 1995. 525 с.
2. **Абай Гэсэр Богдо хаан:** бурятский героический эпос / сводный текст, лит. обр. Н. Балдано; пер. А. Уланова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 599 с.
3. **Аюшина С. А.** Об иносказательной природе эпоса «Гэсэр» // Гэсэриада: фольклор в современной культуре. Улан-Удэ, 1995. С. 48-53.

4. **Гэсэриада: фольклор в современной культуре:** сб. ст. и материалов. Улан-Удэ: Наран, 1995. 134 с.
5. **Чагдуров С. Ш.** По стопам Доржи Банзарова // Бурятия. 1992. 24 июня. С. 6.
6. **Чагдуров С. Ш.** Поэтика Гэсэриады. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1993. 368 с.

THE LITERARY NATURE OF THE BURYAT EPIC “GESAR”

Oshorova Svetlana Alekseevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Buryat State University, Ulan-Ude
oshorsvet@mail.ru

This article describes the literary features and the allegorical nature of the Buryat epic “Gesar”. The author argues that the mystique of the narrative and allegory are the main artistic feature of the epic. The paper also explores the origins of some cognate words and expressions prevalent in the epic “Gesar”. It is concluded that the narrators always advocated the peaceful coexistence of all peoples on the Earth.

Key words and phrases: antithesis; celestials; creative force; image of Gesar; nature of epic “Gesar”; victory; peaceful work; the main feature of the Buryat epic; epic allegory.

УДК 82.091

За последние пятьдесят лет значительно возросло количество синхронических переводов «Сонетов» Шекспира на русский язык. Своими трактовками некоторые переводчики пытаются представить «Сонеты» как монолитный поэтический сборник, находя в нем различные способы циклообразующей организации. Цель статьи – проанализировать переводческую позицию одного из самых заметных современных авторов – И. З. Фрадкина, твердо убежденного в композиционной и поэтической целостности шекспировского сонетного свода.

Ключевые слова и фразы: сонет; сонеты Шекспира; русские переводы сонетов Шекспира; поэтический цикл.

Первушина Елена Александровна, д. филол. н., доцент

Будянская Надежда Викторовна

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
pervushelena@yandex.ru; nadyaboo@mail.ru

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА КАК ЕДИНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В ПЕРЕВОДАХ И. З. ФРАДКИНА

Русская переводческая сонетиана Шекспира – одно из самых замечательных достижений отечественной переводной культуры и самых репрезентативных ее образцов. Однако из-за недостаточного количества сведений о Шекспире и истории создания сонетов исследователи до сих пор не могут окончательно определиться с вопросом о том, являются ли оригинальные сонеты Шекспира поэтическим циклом. Именно эта неопределенность стимулирует различные переводческие представления о художественной целостности шекспировского сонетного собрания. Далеко не все переводчики рассматривают эти сонеты как поэтический цикл. Так, Игн. М. Ивановский, которого А. А. Ахматова назвала «самым лучшим переводчиком», убежденно говорил, что в своде шекспировских стихов нет никакого единого замысла; по его мнению, это «нечто среднее между дневником и пачкой писем» [1, с. 225]. Тем не менее, в последнее время наметился все более усиливающийся интерес именно к поэтической цельности шекспировского сборника. Те переводчики, которые уверены в циклическом единстве «Сонетов» Шекспира, находят в них новые грани и новые принципы внутренней целостности, как в жанровых возможностях самого английского сонета, так и в жанровой организации художественного единства сонетного свода.

Целью данной работы является анализ переводов «Сонетов», выполненных одним из самых заметных современных авторов – И. З. Фрадкиным, убежденным в том, что сборник шекспировских стихов представляет собой единый поэтический цикл.

Приведем краткие биографические сведения о нём. Поэт-переводчик Игорь Залманович Фрадкин родился в Петербурге в 1929 г. В течение своей переводоведческой деятельности Фрадкин переводил произведения английских и американских авторов, таких как Д. Донн, Дж. Байрон, П. Б. Шелли, Д. Китс, О. Уайльд, Г. Лонгфелло, Р. Фрост. Эти переводы отличает тонкое чувство поэтического текста, уважительное отношение к подлиннику. Подчеркнем, что особое место в переводческом наследии Фрадкина занимают «Сонеты» Шекспира. Важно отметить, что шекспировские стихи выходили в переводе Фрадкина дважды: в 1990 г. и затем, спустя 13 лет, в 2003 г. появилась новая редакция этих переводов. Переводы И. З. Фрадкина создавались в творческой атмосфере усилившегося интереса к шекспировским стихам, вызванного сначала восторгом переводами Маршака, а позднее – и разочарованием в этих переводах. Отметим, что в 1990 г. И. З. Фрадкин был всего лишь пятым переводчиком полного цикла сонетов, но в последующие годы их количество невероятно умножилось. Несомненно, сосуществование множества переводческих вариантов заставляет переводчика-исследователя внимательнее относиться к работам предшественников и взвесить собственные находки, стараясь не потерять собственную манеру.